

Жаклин Симпсон

БЫТ

РЕЛИГИЯ

КУЛЬТУРА

ВИКИНГИ

Жаклин Симпсон Викинги. Быт, религия, культура

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607565

Симпсон Жаклин Викинги. Быт, религия, культура : Центрполиграф;

Москва; 2005

ISBN 5-9524-1741-8

Оригинал: JacquelineSimpson, "Everyday Life in the Viking Age"

Перевод:

Нина Ю. Чехонадская

Аннотация

Автор множества популярных книг, в числе которых «Словарь английского фольклора» и «Британские драконы», редактор всемирно известного журнала «Фольклор» Жаклин Симпсон рассказывает об искусных стратегах, мореходах и первопроходцах – викингах, прославившихся беспримерной военной экспансией, о находках археологов, исторических хрониках и фольклоре северных народов.

Содержание

Предисловие переводчика	4
Глава 1	6
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жаклин Симпсон

Викинги. Быт, религия, культура

Посвящается моей матери

Предисловие переводчика

Жаклин Симпсон – один из крупнейших современных британских специалистов по культуре и фольклору скандинавов и англичан, почетный секретарь Британского Фольклорного общества, а в 1993–1996 годах – его председатель. В течение четырнадцати лет она была редактором всемирно известного журнала «Фольклор».

Ж. Симпсон прекрасно знакома с исландской и другими скандинавскими литературами. В 1965 году она выпустила книгу «Викинги говорят», включавшую переводы многих исландских саг. За ней последовали «Исландские народные сказки и легенды» (1972), «Легенды об исландских волшебниках» (1975), «Датские легенды» (2004). Кроме того, ей принадлежит множество работ по английскому фольклору, в том числе «Фольклор Суссекса» (1973), «Фольклор валлийского пограничья» (2003), а также «Словарь англий-

ского фольклора» (2000), подготовленный в соавторстве со Стивом Роудом. Особенно популярна ее работа «Британские драконы».

Эта книга пользуется заслуженной известностью как в Англии, так и в США. Рассказывая о жизни скандинавов, прежде всего исландцев, автор находится в своей стихии, и ее рассказ читается с неослабевающим интересом. Конечно, российский читатель не может не обратить внимания на порою вольное обращение Ж. Симпсон с источниками, касающимися истории других, не скандинавских стран – прежде всего России, а также Великобритании и Ирландии, на то, что автор излишне однозначно трактует спорный вопрос о влиянии викингов на историю этих стран. Однако в большинстве случаев такая необъективность достаточно очевидна и, по нашему мнению, почти не требует особых комментариев. Все это, конечно, не снижает очевидных достоинств популярной и весьма информативной книги Жаклин Симпсон.

Н. Чехонадская

Глава 1

Головорезы или герои?

В средневековых скандинавских языках слово «*vikingr*» означало «пират, корсар» – человек, который сколотил себе состояние или совершая морские набеги на берега чужих стран, или нападая на мирных путешественников в своих водах. Было и отвлеченное понятие *viking*, которое обозначало сам процесс разбоя за морем. Строго говоря, викингами следовало бы называть только тех людей, для которых разбой становился профессией. К обычным скандинавским крестьянам, купцам, поселенцам или ремесленникам того времени, да и к дружинникам, участвовавшим в династических войнах своих князей или в собственных «разборках», это слово вряд ли подходит. Тем не менее, именно скандинавские морские разбойники оказали наибольшее влияние на Европу того времени, и именно они с тех пор привлекают наибольшее внимание историков. Поэтому период скандинавской истории, начавшийся в 790-х годах (время первых известных набегов в Западной Европе), обычно называют «эпохой викингов». Этот период завершается примерно в середине XI века, когда набеги и переселения прекратились, обитатели поселений за пределами Скандинавии практически слились с местными жителями, а социальные изме-

нения в самой Скандинавии привели к наступлению подлинного Средневековья. Слово «викинг» стало удобным термином для обозначения характерной культуры того времени, и поэтому мы теперь говорим не только о кораблях и об оружии викингов, но и об искусстве викингов, домах викингов и даже о сельском хозяйстве викингов, хотя людям той эпохи такие выражения показались бы совершенно бессмысленными.

Современники также не называли разбойников-викингов «викингами». Англосаксы именовали их данами – по стране, откуда те пришли, франки звали Normanni – люди севера, германцы – людьми ясеня, возможно имея в виду их корабли, хотя корабли делали из дуба, ирландцы же употребляли или слово Gaill, что означает иностранцы, или Lochlannaigh – северяне; при этом они порой различали датчан и норвежцев: первые были черными чужеземцами, вторые – белыми чужеземцами. Испанские арабы звали викингов Majus – язычники, а на востоке славяне, арабы и византийские греки называли их Rus или Ros (возможно, первоначально это было финское название шведов). Сами же скандинавы считали себя обитателями какого-то определенного места – «людьми из Вестфольда», «людьми из Хордаланда», «людьми с возвышенностей» и так далее. Однако постепенно у них зародилось чувство национального единства; появились названия национальностей. Они также использовали слово Nordmenn – «северяне», иногда в ограниченном значении «норвежцы»,

но чаще в общем смысле «скандинавы»; второе значение привело к появлению в современном английском языке общих терминов Northmen, Norsemen и Norse. Происхождение самого слова *vikingr* неясно и весьма спорно. Наиболее общепринятое предположение – это то, что оно происходит от слова *vik* – «ручей, бухта, фьорд» и появилось потому, что пираты обычно прятались в бухтах и устьях рек, чтобы нападать на проплывающие мимо корабли и обеспечить себе базу для набегов вдоль побережья.

Изучению эпохи викингов зачастую мешают традиционные представления о свирепых и безжалостных варварах, сеющих страх и разрушение в постоянных поисках добычи, и поэтому многие менее сенсационные, но столь же важные аспекты этого периода оказались вне сферы внимания. В основном это происходит потому, что европейские летописцы того времени дают весьма одностороннюю картину: они (что вполне понятно) считали викингов только разбойниками и вымогателями дани. Эти авторы почти ничего не знали, да и знать не хотели, о жизни викингов, об их культуре и торговле и даже о том, почему и откуда они приходят. Хотя сведения в летописи могут быть вполне подлинными, общая картина оказывается искаженной как из-за эмоций летописца, так и из-за того, что он не упоминал о некоторых фактах, которых либо не знал, либо не считал нужным записывать. «Англосаксонская хроника» гораздо полнее других летописей, и ее авторы были информированы гораздо лучше, чем

большинство хронистов, однако и там речь идет почти исключительно о войнах. Только одно или два случайных предложения говорят о заселении Дэнло¹, которое проходило в тот же период и имело гораздо более сложные и далекоидущие последствия. Нередко тщательное исследование названий мест и лингвистических данных – единственный способ заполнить пробелы в источниках.

Рис. 1. Нападение викингов на Линдисфарн

Более поздние средневековые писатели часто оказываются куда пристрастней. Автор ирландского текста XII века «Война гойделов с чужеземцами» (то есть ирландцев с викингами), вспоминая об ужасах набегов викингов (которые он отнюдь не собирался преуменьшать), восклицает: «Верно, хоть бы сто голов – равно прочных, железных – было на одной шее, и сто языков – острых, хорошо подвешенных, с приятной речью, медных, нержавеющей – в каждой голове, и

¹ Дэнло – область «датского права», районы Англии, заселенные в IX в. викингами. (Здесь и далее примеч. пер.)

сто голосов – громозвучных, хрустальных, неослабевающих в каждом языке, не могли бы они перечислить, или поведать, или перечесть, или рассказать, сколько претерпели все ирландцы вместе – и мужи, и жены, и миряне, и священники, и старцы, и юноши, и благородные, и подлые – мучений и тягот, и издевательств в каждом доме от этого войска жестокого, злобного, чужестранного, совершенно языческого».

Конечно, современные историки понимают, что средневековые авторы были небеспристрастны и многое преувеличивали, однако их собственные суждения порой оказываются не менее эмоциональными. Еще в 1930 году сэр Томас Кендрик, хотя и признавая, что некоторые поселенцы-викинги занимали свою землю вполне мирно, постоянно использовал такие выражения, как «грубые варвары», «грабители-головорезы», «бич окраин цивилизованного мира», «кровожадные и омерзительные варвары, враги общества, повинные в позорных и непростительных преступлениях – поджогах и резне». Единственное, что сэр Томас мог сказать в пользу викингов – это похвалить их ремесленное мастерство, о котором он говорит, что, «увидев сам корабль [из Усеберга]... уже никто не сможет более считать викингов IX столетия абсолютно гнусными и бездушными варварами».

Многие книги о викингах содержат похожие суждения, хотя, возможно, облеченные и не в такие сильные выражения. Тем не менее, существует и другая школа – в основном среди исследователей скандинавской литературы, чем

среди тех, кто занимается европейской историей. Основываясь на героической поэзии скандинавов и исландских прозаических сагах, эти ученые рисуют достаточно положительный портрет викингов и их образа жизни, считая их чуть ли не средоточием всех добродетелей – отваги, выносливости, верности, любви к свободе и чувства чести. Действительно, в литературных источниках мы видим много героев, в полной мере одаренных этими качествами, которые, несомненно, вызывали восхищение в скандинавском мире. Очевидно и то, что в жизни исторические достижения викингов требовали много отваги и предприимчивости. Некоторые авторы так далеко зашли в своем поклонении викингам, что стали приписывать все положительное в характере англичан тому, что среди их предков были викинги, о которых Р.Л. Бреммер в 1923 году писал: «...Отважное и выносливое племя, простые и героические мужчины и женщины. Сильные телом, хорошо сложенные, статные люди, по большей части красивые, зачастую – подлинно античной красотой. Их манеры были откровенны и безыскусны, их ум живо откликался на все возвышенные человеческие ценности – любовь, рыцарство, отвагу, свободу, справедливость... [Мужчины] в любом обществе были откровенны и веселы, верны слову, они не торопились впадать в гнев, в битве были бесстрашны, в дружбе – верны... Три великие добродетели – честь, рыцарство и любовь к свободе – часть бессмертного наследия, которое мы получили от наших скандинавских пращуров».

Рис. 2. Фигура женщины на камне из Готланда

Рис. 3. Фигура мужчины на камне из Готланда

Сия блистательная картина, как уже было сказано, во многом основана на информации, почерпнутой из скандинавской литературы. И хотя эта литература во многих отношениях дает исключительно ценную информацию о духовном мире скандинавов, она также таит в себе ловушки для историка, который использует ее слишком некритически. Собственно эпохой викингов датируется только поэзия, и значительная ее часть (где постоянно говорится о воинской доблести, верности, чести, щедрости и несгибаемой отваге перед

лицом Судьбы) выражает идеалы поведения героя, которыми восхищались аристократы и их дружинники, – идеалы, которые не имели прямого отношения к повседневной жизни крестьянина или купца, хотя, наверное, и могли вдохновить его в момент опасности. Хотя такие легендарные герои, как Сигурд Вёльсунг, и были постоянной темой для поэтов и художников, это отнюдь не значит, что каждый викинг хотел стать Сигурдом.

Что касается исландских саг, то они во многом – самые интересные из доступных нам источников. Однако их внешняя объективность и трезвый, реалистический тон скрывают много подводных камней. Ни одна из этих саг не была записана ранее XII века, и большинство из наиболее прекрасных и наиболее известных относятся уже ко второй половине XIII века. Наиболее ценные для историка саги делятся на две группы: биографии и другие рассказы о подлинных событиях, прежде всего жизнеописания норвежских королей и рассказы о ранней истории самой Исландии, и «семейные саги», где описываются жизнь и особенно междоусобицы отдельных исландцев, которые жили в X – начале XI века. Саги первого типа считались подлинной историей, если даже иногда там встречались неточности или легендарные сведения, а «семейные саги» представляли собой художественную интерпретацию прошлого, так что зерно традиции, на которой они вырастали, вполне могло оказаться искаженным. Люди, которые сочиняли эти саги, нередко бы-

ли горячими почитателями древностей; они дорожили мельчайшим обрывком информации, стараясь заполнить пробел в 200 лет между своим временем и временем, когда жили те люди, о которых рассказывали. Но сам тот факт, что они так любили прошлое, заставляет задуматься: насколько же они его идеализировали? И разумеется, рассказчики его упрощали. Например, заселение Исландии часто объясняли только гордостью и гневом норвежских князей, чьей независимости угрожал король Харальд Прекрасноволосый. На самом деле заселение было частью гораздо более крупного движения, в котором решающую роль, возможно, играло экономическое давление. И все-таки при критическом использовании саги могут стать незаменимым источником по истории Скандинавии. Величайшим достижением в области исторических сочинений стал «Круг земной», великолепное собрание саг о королях Норвегии, составленное Снорри Стурлусоном в 1220-х годах. Снорри также многое знал о языческих мифах и древней поэзии, и без его работ на эти темы наши знания о скандинавской религии оказались бы гораздо более скудными.

В сагах мимоходом упоминаются многие стороны повседневной жизни – еда, одежда, сельское хозяйство, закон и многое другое. Эти сведения очень ценны: они как бы изнутри показывают обычную, негероическую сторону скандинавской жизни. Однако всегда есть риск, что автор мог быть бессознательно введен в заблуждение обычаями, принятыми

в его собственное время. Иногда такие анахронизмы очевидны, а иногда их можно различить, только имея данные археологических изысканий. Вот хороший пример, связанный с домами. В «Саге о Греттире» ясно говорится, что в эпоху викингов дома состояли из одной большой комнаты, где происходила вся домашняя жизнь. Но один исландский ученый, уверенный в том, что в тот период столь примитивные обычаи уже не могли существовать, проанализировал термины, использованные во многих других сагах, и пришел к выводу, что все описанные дома содержали несколько комнат с разными названиями. Позднее археологические раскопки показали, что «Сага о Греттире» говорит правду. В других сагах содержались неточные описания домов, возникшие под влиянием устройства домов той эпохи, когда составлялись саги, а в третьих использовались настолько туманные выражения, что только открытие подлинных остатков позволило понять, что же они в действительности означают.

Другой недостаток «семейных саг» как источников знаний по эпохе викингов заключается в том, что их интерес сосредоточен исключительно на самой Исландии. Если один из героев отправляется за море, то это всегда лишь интерлюдия, о которой говорится в двух словах («он отправился в Норвегию, где король любезно принял его», или «тем летом он отплыл в Ирландию; там совершал набеги три года и вернулся домой с большим богатством»). Если о похождениях героев рассказывается подробнее, то обычно это стандартная при-

ключенческая история, которая мало что говорит о жизни в то время. Есть и исключения, прежде всего «Сага об Эгиле», однако в общем и целом герои «семейных саг» решают свою судьбу дома. Саги многое рассказывают о жизни внутри скандинавского общества, однако они мало что говорят о взаимодействии между Скандинавией и остальной Европой.

Таким образом, сформировать объективное представление о викингах на основе письменных источников чрезвычайно трудно. Кажется, что европейские летописи и скандинавская литература описывают два разных народа. И тех, и других можно подозревать в излишней пристрастности: одни видят врагов — сплошь в крови и в дыму пожарищ, другие — собственных идеальных предков в золотом сиянии героизма и возвышенных чувств. К счастью, некоторые современники, общавшиеся с викингами, смогли посмотреть на них более беспристрастно, и часто эти краткие, случайные сообщения оказываются наиболее полезными. Церковные историки, описывая деятельность миссионеров, иногда случайно рассказывают что-нибудь об условиях торговли или путешествий или сообщают некоторые факты о языческой религии; арабские географы дают замечательные описания обычаев шведских торговцев в России; византийский император рассматривает сезонные передвижения викингов вдоль торгового пути на Днепре. Перед нами открывается мир, конечно, не свободный от насилия, но здесь авторы, по крайней мере, отдают себе отчет в экономических факторах и не счи-

тают викингов каким-то мистическим бичом Божиим (как иногда казалось измученным жителям Запада).

Сверх того, археологи обнаружили множество материальных остатков, которые дают прямые и косвенные данные, позволяющие нам лучше понять эпоху викингов. Одним из главных археологических источников являются тысячи раскопанных погребений, поскольку большинство (хотя и не все) скандинавов снабжали умерших перед тем, как похоронить или сжечь, одеждой, оружием, инструментами и другими предметами. При благоприятном составе почвы погребения дают исчерпывающую информацию. Погребальный инвентарь может варьироваться от одного или двух простых предметов до роскошной обстановки княжеских погребальных курганов – кораблей со всей оснасткой, продуктов, кухонной посуды, саней, сбруи и множества других предметов повседневной необходимости богатого хозяйства. Курганы в Гокстаде и Усеберге (Норвегия) заслуженно считаются самыми знаменитыми из этих роскошных погребений, и дальше мы много будем говорить о том, что там было найдено. Однако все это богатство не должно затмевать бесчисленные небольшие могилы, содержимое которых говорит очень многое о быте средних слоев населения.

Дома раскапывают значительно реже, чем могилы, поскольку в большей части поселений викингов жизнь продолжалась в течение всего Средневековья, продолжается и сейчас; таким образом, для современного археолога особен-

ную ценность представляют заброшенные поселения. Таких поселений много в Гренландии, где целых два поселения в Средние века полностью вымерли, а эскимосы не стали трогать их развалины. Есть еще одна исландская долина, которая после того, как расположенные в ней фермы в 1300 году уничтожил вулкан, уже больше не была заселена, и некоторые из этих ферм восходят к началу X века. Дома викингов рассеяны тут и там по Оркнейским, Шетландским и Гебридским островам; особенно замечательна прекрасная группа построек в Ярлсхофе на Шетландских островах: здесь передвижение песков «запечатало» дома, предохранив от последующих вмешательств.

Еще более интересны раскопки целых городов с их кладбищами, гаванями и защитными земляными сооружениями. Автор любой книги об эпохе викингов будет многим обязан тем археологам, которые изучали поселения в Бирке, Хедебю, Каупанге и Хельгё. Эти небольшие городки были прежде всего торговыми центрами, и поэтому обнаруженные там предметы бросают свет на экономические аспекты жизни общин викингов, показывая, какие товары импортировались и экспортировались и какими ремеслами занимались в самих городах. Изучение таких городов – длительный процесс. Требуется много сезонов раскопок и глубокий анализ, так что даже уже известные нам места раскопок могут дать новую информацию, не говоря уж о тех, что могут быть открыты в будущем. Другой тип крупного поселения, извест-

ный пока только в Дании, – это укрепленный военный лагерь, который, возможно, служил чем-то вроде казарм, предназначенных для армии, собравшейся для вторжения в Англию в начале XI века. Существует четыре таких лагеря, самый известный из них – Треллеборг.

Обнаружено более тысячи погребенных под землей кладов серебряных изделий – от небольших находок двух-трех монет и нескольких обломков украшений до целых груд сокровищ, которые весят 15 и более фунтов² и состоят из нескольких тысяч монет, тяжелых колец или и того и другого. Такие клады находят не в погребениях, не на раскопках и не на местах, где стояли дома; для пущей безопасности их прятали в чистом поле, часто у подножия скалы или дерева, рядом со старым курганом или в каком-то другом подобном месте, которое владелец клада мог легко узнать, когда приходило время его вырыть. Если какая-то область особенно богата кладами, то это означает не только то, что ее обитатели были богаты, но и то, что они жили в постоянном страхе войны и пиратских набегов и что многим из них не удалось откопать спрятанное сокровище. Поскольку монеты легко датировать, то они точно показывают, в какой именно период происходили эти смуты. Иногда серебряные клады – это единственное свидетельство важности того или другого региона. Например, остров Готланд у побережья Швеции упоминается в письменном тексте периода викингов один-

² Около 6,8 кг.

единственный раз, однако обнаруженные там сокровища доказывают, что это было богатейшее место во всей Скандинавии. Сама Скандинавия не производила серебра и вплоть до XI века не имела монетных дворов. Поэтому практически все обнаруженные там монеты иностранные – арабские, английские, франкские, германские – и пришли из-за границы в ходе торговых отношений, как добыча грабежа, как данегельд³ или как плата наемникам. Количество монет и место, откуда они были привезены, служат важными путеводными нитями, по которым можно проследить контакты викингов с остальным миром.

Наконец, следует упомянуть о резных камнях или камнях с надписями, поставленных в качестве памятников умершим, причем не над их могилами, а в таком месте, где их могло видеть как можно больше прохожих – у брода, древней дороги или в месте для собраний. Такие камни встречаются во многих областях Скандинавии, но два региона и две эпохи особенно ими богаты. Первый – это Готланд в IX веке (возможно, и в VIII веке, ибо дата является спорной), когда были выполнены изящные графические изображения (см. вклейку), в том числе много человеческих фигур, битвы, процессии, плывущие корабли, всадники. Значение изображений зачастую остается загадкой, однако они являются очень ценными источниками для изучения внешнего вида мужчин и

³ Д а н е г е л ь д (датская дань) – дань, собиравшаяся в IX в. и позднее в англосаксонской Англии, чтобы откупаться от викингов.

женщин того времени, поскольку реалистичные изображения человеческих фигур – большая редкость в искусстве викингов. Вторая группа происходит из Швеции XI века. Здесь изображений как таковых мало, однако в орнаментальных надписях (рис. 12, 67) упоминается имя умершего и того, кто воздвиг данный памятник, и нередко приводятся еще какие-либо подробности, например о личных качествах умершего, о том, какое положение он занимал в жизни, и о месте и обстоятельствах его кончины. Такая информация помогает нам понять общество викингов, хотя новые исторические сведения дает лишь изредка.

Используя все эти многообразные типы источников, мы можем рассмотреть различные аспекты эпохи викингов. Конечно, в наших знаниях есть пробелы; есть и спорные моменты. Рассуждая на такие темы, я стараюсь четко показать, является ли какая-то одна из существующих интерпретаций общепринятой, или по этому поводу существует несколько одинаково приемлемых точек зрения. Цель этой книги – показать викингов не как кровожадных головорезов и не как белокурых и голубоглазых героев, а попытаться связать деятельность этих людей с тем, что известно о материальной стороне их жизни. Общество, которое возникает перед нами, отличается от общества остальной Европы. Во многих отношениях оно, возможно, было более архаично, однако нет никаких оснований считать его примитивным, неорганизованным или исключительно жестоким.

Глава 2

Викинги и их завоевания

Представление о том, что в 790-х годах внезапно началась некая «эпоха викингов», выглядит обоснованным с точки зрения западноевропейцев, однако очень важно понять, что с точки зрения самих скандинавов подобное деление представляется весьма произвольным. Все то, что кажется нам характерным для «эпохи викингов» – нападения, пиратство, дальняя торговля, колонизация чужих земель, – было частью постоянного процесса экспансии, который происходил то в одной, то в другой части Скандинавии и продолжался в течение всего VIII века, хотя начался, возможно, и раньше. Разница в том, что в более ранний период экспансия происходила в регионах, где не велось никаких письменных записей, и поэтому ее можно изучать только отрывочно, археологическими методами. Более поздние движения, наоборот, затронули самые цивилизованные страны Западной Европы, поэтому были так подробно засвидетельствованы. Действительно, примерно с 800 года документальные источники по набегам и войнам викингов и по политической истории Скандинавии становятся исключительно богатыми; можно проследить в значительных деталях биографии многих вождей и передвижения военных сил. Однако в этой гла-

ве будет дан лишь очень краткий и общий очерк основных направлений экспансии викингов.

Первыми скандинавами, которые начали проявлять себя за пределами Скандинавии, были народы Швеции и балтийского острова Готланд, которые уже в VIII веке собирали богатства, занимаясь торговлей, импортируя европейское стекло и шерстяные ткани, возможно, в обмен на железную руду. Важное поселение того периода было найдено на острове Хельгё около озера Мелар (Швеция). Здешнее крупное фермерское хозяйство, очевидно, было центром торговли и ремесла. Среди обнаруженных предметов – великолепный аббатский посох из Ирландии, возможно, добыча от какого-то раннего набега викингов, и небольшой Будда (рис. 4), свидетельство торговых связей Швеции с Востоком. Богатство погребального инвентаря в шведских погребениях того времени также говорит о процветающей торговле и международных связях, в то время как обнаруженные на Готланде клады серебряных вещей говорят не только о благоденствии его обитателей, но и о том, что им нередко приходилось прятать свои сокровища от потенциальных грабителей – возможно, разбойников из более бедных областей Скандинавии.

Рис. 4. Будда из Хельгё

Как шведы, так и жители Готланда уже начали расселяться за пределами своей родины задолго до 700 года: они основали свои колонии по всей Балтике на территории современных Латвии, Литвы и Эстонии, а возможно, и в Финляндии. Особенно важные находки дали раскопки кладбищ в Гробине (близ Либавы в Латвии). Здесь обитала община выходцев с Готланда (очевидно, это были богатые купцы, которых сопровождали их жены), а также община шведов (только мужчины в полном вооружении). Подобная колония торговцев с Готланда существовала близ Эльбинга. Вся эта деятельность на побережье Балтики весьма напоминает то, что происходило собственно в эпоху викингов, однако было это на три-четыре поколения раньше. Более того, непрерывное, естественное развитие привело к тому, что в IX веке шведы речными путями начали проникать в Россию, в первую очередь в поисках новых торговых путей, о чем будет рассказа-

но в главе 5.

В конце VIII века в путь двинулись норвежцы. Слух об их атаках встревожил всю Западную Европу. Первым зафиксированным нападением может быть инцидент на берегу Дорсета в царствование Беорхтрика Уэссекского (786–802), когда приплывшие на трех кораблях норвежцы убили королевского управляющего, который силой пытался привести их ко двору короля. Или, скорее, первым рейдом могла быть гораздо более знаменитая атака на Линдисфарн в 793 году, когда язычники высадились на острове, уничтожили весь скот, чтобы пополнить запасы продовольствия на своих кораблях, разграбили монастырь и убили множество монахов и монахинь (рис. 5). Ужас, в который повергло христиан это чудовищное кощунство, в следующие несколько лет только вырос. Произошли другие нападения – на Шотландию, Ирландию, Уэльс и Северную Англию, причем в ходе многих из них были разграблены монастыри и усыпальницы святых.

Рис. 5. Надгробный камень, Линдисфарн

Современники видели в этих нападениях только бессмысленное разграбление церковного имущества. Представляется очевидным, что именно таков и был мотив действий викингов в вышеупомянутых случаях. Однако этими случаями не ограничивалась более широкая активность норвежцев, направленная в основном на острова на севере и западе Шотландии. Главным мотивом этой деятельности была неотложная необходимость в земле для поселения. К тому времени норвежцы, зажатые между горами и морем, использовали всю имевшуюся у них землю и, возможно, также страдали от быстро наступившего перенаселения. В Норвегии действительно существовала прочная традиция пиратства: прибрежные вожди нередко жили грабежом проплывавших мимо купеческих кораблей, и вполне очевидно, что, когда эти люди узнали о существовании богатых и практически беззащитных церквей и монастырей на Западе, они без промедления воспользовались этим для получения прибыли. Тем не менее, главная история норвежской экспансии – это история колонизации.

Примерно к 800 году норвежцы утвердились на Оркнейских и Шетландских островах, и вскоре после этого ирландским отшельникам пришлось оставить Фарерские острова «из-за разбойников с севера». На Оркнейских островах, особенно на Вестрее, часто встречаются могилы викингов первой половины IX века. Дома викингов были раскопаны в Бирсее и Эйкернесе на Оркнейских островах и в Ярлсхо-

фе на Шетландских (рис. 20); последнее поселение относят к началу IX века. Еще одна ферма была открыта в 1965 году на одном из Шетландских островов – Унсте, и она, судя по всему, относится к тому же времени. Не приходится сомневаться в том, что колонизация всех этих трех островов началась около 800 года и продолжалась с перерывами в течение следующих 100 лет. Поселенцы жили в основном сельским хозяйством, рыболовством и охотой на тюленей, хотя в то же самое время они, безусловно, пользовались своим удобным географическим положением как для торговли, так и для набегов на южные земли.

В момент прихода викингов Фарерские острова были необитаемы; там жили лишь несколько ирландских отшельников, которые бежали оттуда. Утверждают, что то же самое произошло на Оркнейских и Шетландских островах: там пикты якобы пришли в упадок и чуть ли не вымерли, поэтому расселение викингов проходило совершенно мирно. Однако свидетельства археологии и изучение названий мест все больше и больше вступают в противоречие с этой теорией. Кажется вероятным, что норвежский историк XII века был прав, когда утверждал, что викинги застали на этих островах как пиктов, так и ирландско-шотландских священников (хотя он мог и ошибаться, утверждая, что викинги их всех перерезали). Среди наиболее ранних построек в Ярлсхофе есть дом, построенный по скандинавскому плану, однако такая техника каменной кладки и обнаруженные там сланце-

вые таблички и каменные инструменты были характерны для прежних жителей острова – пиктов. Очевидно, что здесь норвежский поселенец обратил потерявших свое имущество пиктов в рабов. В этих областях могли происходить и грабежи. Недавнее обнаружение клада кельтского серебра на острове Святого Ниниана⁴ заставляет предполагать, что пикты-христиане Шетландских островов были более богатыми, чем считалось до сих пор. Однако острова не просто были разграблены, но и колонизированы множеством норвежских переселенцев, которых было так много, что и язык, и географические названия в большинстве своем навсегда стали скандинавскими.

В начале IX века грабежи Ирландии становились все более масштабными и более частыми до тех пор, пока в 820 году, согласно «Анналам Ольстера», «океан излил на Ирландию такие потоки чужеземцев, что не существовало ни гавани, ни пристани, ни крепости, ни укрепления, где не было бы кораблей викингов и разбойников»⁵. В 836 году было основано первое поселение викингов в Дублине, а в 839 году в Ирландию прибыл некий Тургейс (Торгиель), который основал свою штаб-квартиру в Арме, главной христианской святыне страны, и был признан «королем всех чужеземцев

⁴ О кладе см. в кн.: *Хендерсон И.* Пикты. М.: Центрполиграф, 2004.

⁵ Автор ошибается; такая запись отсутствует в «Анналах Ольстера». Подобная фраза встречается в уже упоминавшейся «Войне гойделов с чужеземцами» (гл. 13).

Ирландии». Его супруга поселилась в монастыре Клонмак-нойс, где она в качестве языческой жрицы пророчествовала с алтаря. Богатые христианские центры были, естественно, разграблены. Неудивительно, что этот набег оставил множество следов в погребениях викингов – бронзовые накладки с окладов книг, рак святых или ларцов, оторванные и грубо приспособленные под броши (рис. 6), а иногда и целые предметы из религиозной утвари, например реликварий, видимо прихваченный «на память» при разграблении какой-то ирландской церкви (см. вклейку). Подавляющее большинство таких вещей были обнаружены в Норвегии или в погребениях норвежцев в самой Шотландии и Ирландии. Только две-три были найдены в Дании и Швеции – свидетельство того, что эти страны практически не участвовали в первом нападении на Ирландию.

Рис. 6. Украшение с оклада ирландской рукописи

Неясно, делали ли викинги какие-либо серьезные попытки поселения в Ирландии вне городов. Они основали укреп-

ленные гавани (Дублин, Уэксфорд, Уотерфорд, Корк, Лимерик), которые оказались полезными базами для плавания к западному побережью Франции и Испании. Эти гавани стали процветающими торговыми центрами. Однако на основании имеющихся на сегодняшний день археологических данных нет оснований говорить о том, что они расселялись по окрестным землям и занимались там хозяйством.

При чтении ирландских хроник перед нами предстает непростая история военных столкновений норвежцев с ирландцами, осложненная к тому же враждой между самими ирландцами и разрывом старых и заключением новых союзов. К середине IX века между уже закрепившимися в Ирландии норвежцами и новыми завоевателями – датчанами – стали происходить ожесточенные столкновения. Ирландия также служила отправной точкой для новых экспедиций, которые к концу столетия привели к колонизации острова Мэн и многих других областей юго-западной Шотландии, Камберленда, Уэстморленда, Ланкашира и Чешира.

Особенно интересен остров Мэн: его искусство ясно показывает смешение скандинавской и кельтской культуры; кроме того, в его законодательстве и административном устройстве до наших дней сохранилось много скандинавских черт. Здесь поселенцы, судя по всему, были просто зажиточными крестьянами, которых привлекала «лучшая земля на Южных островах» (то есть на Гебридах, к которым причислялся и остров Мэн). На Мэне не возникло торгового центра.

Викинги, очевидно, жили мирной жизнью среди кельтского населения, с которым вскоре стали заключать браки и которое обратило их в свою веру. Эта смешанная культура породила прекрасные памятники – каменные кресты Мэна. Форма крестов (каменная плита, на которой изображен крест с колесообразной вершиной) – типично шотландская, надписи – скандинавские и вырезаны рунами; из упомянутых там имен 44 – скандинавские, 22 – ирландские и одно пиктское. Отцом этого стиля был скандинав по имени Гаут. Возможно, самая прекрасная его работа – крест из Кирк-Майкл (рис. 7). Крест был изготовлен для кельтского патрона, но Гаут работал и на скандинавов. Орнамент на крестах выполнен в виде как кельтских, так и скандинавских типов переплетающихся лент, а также фигур людей и животных. Некоторые узоры воспроизводят сцены из скандинавской мифологии и героических легенд. Обращает на себя внимание (хотя это и не особенность одного только Мэна), что на христианских памятниках появляются языческие темы. Иногда художник, судя по всему, намеренно добивается контраста: в Кирк-Андриас Один, которого влечет к гибели апокалиптический волк, уравновешен христианской фигурой, которая триумфально попирает змею – символ зла (рис. 8, 9). Подобная скульптура рождалась и в норвежских колониях Камберленда и Уэстморленда: прежде всего это Госфортский крест, где противопоставлены сцены Распятия и Гибели богов.

Рис. 7. Крест Гаута

Рис. 8. Один и волк

Рис. 9. Христианский святой

В колониях викингов в Шотландии и на островах могло происходить такое же слияние племен и культур. Один из красочных примеров – брошь, обнаруженная в Хантерсто-не на берегу Эйршира (см. вклейку): на обратной стороне этого великолепного образца шотландского кельтского искусства мы видим скандинавскую руническую надпись, где говорится, что «Мелбригда носит эту брошь». Мелбригда – имя кельтское⁶, в то время как и язык и буквы – скандинавские. Между представителями верхних слоев обеих общин заключались брачные союзы: об этом говорят кельтские имена, встречающиеся в родословной скандинавских вождей Северных Гебрид. Кроме того, во многих хозяйствах могли быть кельтские рабы, хотя это не обязательно местные жители, поскольку ирландских пленников продавали далеко

⁶ М е л б р и г д а – мужское имя, означающее «Посвященный святой Бригите».

за пределы родины.

Примерно в 860 году Исландия, которая к тому времени уже была прибежищем для нескольких странствующих кельтских отшельников, была, наконец, открыта скандинавами. Говорят, что первым увидел Исландию норвежец – викинг по имени Наддод, который плыл к Фарерским островам и сбился с курса из-за ветра. Другие утверждали, что то был швед Гардар, которого также снесло ветром во время плавания к Гебридам. Первыми попытались прочно там поселиться норвежец Флоки и его товарищи, но из-за собственной непредусмотрительности им это не удалось: «Весь фьорд был наполнен рыбой и тюленями, и из-за рыбной ловли они позабыли заготовить сено, и весь их скот за зиму пал. Весна была очень холодной. Флоки пошел к северу, к горе, и увидел фьорд, полный плавающего льда, поэтому он назвал землю Исландией («страной льда»)… На другое лето они отплыли в Норвегию. Флоки дал этой земле плохое имя. Херйольв говорил о ней и хорошее и худое, а Торольв клялся, что с каждой травинки в той стране, что они нашли, капает масло, и поэтому его прозвали Торольв Масло».

В следующее десятилетие (традиционная дата – 874 год) два названных брата-норвежца – Ингольв и Лейв – серьезно приступили к заселению Исландии. Они отплыли на двух кораблях со своими дружинниками и женщинами, скотом и несколькими рабами-ирландцами. Рабы убили Лейва, но поселение Ингольва процветало. Его примеру последовали

многие его соотечественники. Среди потомков поселенцев сохранились подробные предания о них, и, в конце концов, они были записаны в огромной книге XII века – «Ланднамабок» («Книге захвата земли»). Там зафиксированы имена около 400 вождей и более 3000 их спутников, членов семей и рабов, описано, где они поселились, и в общих чертах рассказано об их приключениях. Процесс колонизации продолжался около 60 лет, и считается, что, когда он завершился, население Исландии составляло около 20 000 человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.